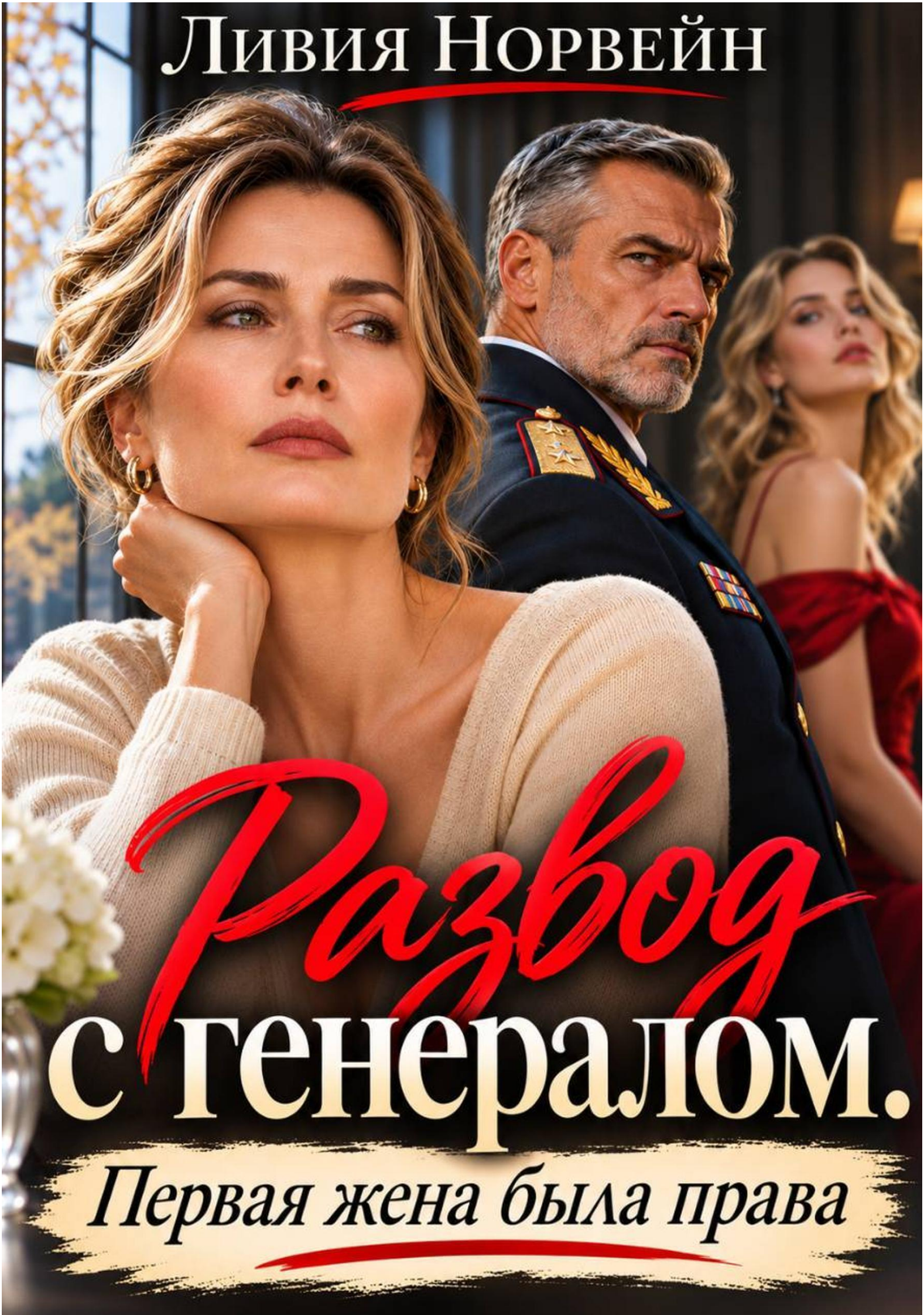
Ливия Норвейн



Развод с генералом.

Первая жена была права

Ливия Норвейн

Развод с генералом. Первая жена была права

«Автор»
2026

Норвейн Л.

Развод с генералом. Первая жена была права / Л. Норвейн — «Автор», 2026

– Скажи детям, что сама давно хотела развода. Необязательно им знать о другой женщине.Двадцать лет я была женой генерала Ракитина. Растила нашего сына, любила его дочь от первого брака как родную, переживала переезды и ждала мужа из командировок.А в сорок пять узнала, что у Павла другая. Молодая. И ради нее он готов переписать историю нашего брака.Когда-то я сама поверила его словам о первой жене. Оставила жениха, вышла замуж за Павла и была уверена, что обрела свое счастье.Теперь мне предстояло встретиться с женщиной, которую я столько лет считала виноватой в чужих несчастьях. И с мужчиной, которого когда-то предала ради генерала.Первая жена оказалась права. Только тогда я не захотела ее услышать.А теперь от моего решения зависело, сохраню ли я любовь падчерицы и осмелюсь ли принять чувство, на которое давно перестала надеяться.

© Норвейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужими словами 5
Глава 2. Двадцать лет спустя 13
Глава 3. Третий билет 22
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Ливия Норвейн
Развод с генералом.
Первая жена была права

Глава 1. Чужими словами

Павел пришел домой с хлебом, который я просила купить еще позавчера. Положил батон на кухонный стол, заглянул в кастрюлю и окликнул меня из коридора:

– Марин, надолго ты там?

– Минут на пятнадцать. Разогрей себе ужин, если голодный.

– Подожду. Нам поговорить надо.

Из прихожей донесся звон вешалки: Павел опять повесил пальто на мою сторону шкафа. Я оставила это без внимания. На экране был план двора культурного центра, а заказчица прислала очередное сообщение: «Марина Сергеевна, а восемь лип туда все-таки никак не войдут?»

Войти-то могли. Вопрос был в том, как они будут там расти лет через пятнадцать. Я разместила шесть деревьев, обозначила размеры будущих крон и собиралась начертить еще один вариант для наглядности. Татьяне Валерьевне очень нравилась симметрия: четыре дерева с одной стороны, четыре с другой.

Павел появился в дверях уже без пиджака. Расстегнул манжеты рубашки и прислонился плечом к косяку.

– Давай компьютер пока закроешь.

– Что-то случилось?

– Да. Лучше на кухне.

Он не выглядел больным или особенно уставшим. Я решила, что, возможно, предстоит новый переезд. Последние три года мы жили в Твери, и менять город мне очень не хотелось: наконец появились постоянные заказчики, а Миша поступил и перебрался в общежитие.

– Служебное? – спросила я, сохраняя чертеж.

– Нет. Наше.

На кухне Павел налил себе воды. Я сняла крышку с кастрюли, собираясь проверить, не остыла ли картошка, но он попросил сесть.

– Ну что у тебя?

Муж положил телефон на стол. Воды так и не выпил.

– У меня появилась женщина, Марина.

Я почему-то посмотрела на батон. Его разрезали еще в магазине, и один ломтик торчал возле завязки. Надо было закрыть пакет, пока хлеб не подсох. Я даже протянула к нему руку.

– Какая женщина?

– Другая. Мы встречаемся некоторое время. Я принял решение жить с ней.

Я ждала хотя бы одной оговорки: что он запутался или не уверен в своем решении. Но Павел замолчал.

– Ты хочешь сказать, что изменяешь мне?

– Да.

– Давно?

– С февраля.

В феврале он подарил мне шарф, который я хотела купить сама, но пожалела денег. В июне мы выбирали Мише подарок за успешно сданную сессию. Все это время я знала, куда по вечерам уходит мой муж. По крайней мере, была в этом уверена.

– С февраля, – повторила я. – Семь месяцев?

– Примерно.

– А когда ты собирался мне сказать?

– Вот сейчас говорю.

– Я слышу. Только не понимаю, почему сейчас. Мы вчера обсуждали, когда Мишка приедет. Ты просил купить продукты к воскресенью.

– Миша может приехать. В этом отношении ничего не изменилось.

– В каком смысле ничего не изменилось? Ты же только что сказал, что уходишь!

– Я снял квартиру. На первое время. С вещами разберусь завтра, большую часть оставлю пока здесь. Деньги на хозяйство буду переводить, как раньше. Мише, естественно, продолжаем помогать. Тебе не нужно принимать никаких поспешных решений.

Я представляла, как он выбирал квартиру, договаривался с хозяйкой, звонил той женщине и называл день переезда. И все эти вечера возвращался домой ко мне.

– Подожди, Паш. Ты квартиру когда снял?

– На прошлой неделе. На три месяца, с возможностью продлить.

Я встала, поправила крышку на кастрюле и обнаружила, что не знаю, зачем подошла к плите.

– Как ее зовут?

– Алина.

– Фамилия?

– Корнева. Марин, только не надо ей звонить.

– А она меня знает?

– Знает, что я женат.

– Ей сколько лет?

– Тридцать три.

Я отвернулась к окну. Соседи напротив за лето застеклили балкон. Мы еще в августе обсуждали, что пора и нам заменить старые рамы.

Я вспомнила летний юбилей Андрея Лапина, бывшего сослуживца мужа. Павел почти не выпускал телефон из рук, а жена Андрея спросила, не слишком ли много он работает. Паша дослужился до генерал-майора. Мы давно привыкли, что его в любой момент могли вызвать на работу. Тогда я с готовностью принялась объяснять, какая у него нагрузка. Теперь не могла отделаться от мысли, что, возможно, все за столом уже о чем-то догадывались.

– Андрей или кто-нибудь из наших знакомых знает?

– Из близких никто. До этого момента у меня не было окончательного решения.

– Зато встречаться с ней ты решил еще в феврале.

Я вернулась к столу и села, разглаживая на коленях смятый край домашнего платья.

– Ты ее любишь?

– Мне с ней хорошо.

Еще в августе мы смеялись вдвоем в машине над старой песней по радио. Да, в последние годы Павел часто уставал, а я злилась, когда приходилось переносить свои дела из-за его расписания. Но случилось ли между нами что-то, после чего уже не хочется жить вместе? Я искала хотя бы один момент, когда муж пытался мне об этом сказать, и не находила.

– А со мной тебе плохо было?

– Зачем ты так ставишь вопрос? Мы двадцать лет прожили. У нас много хорошего было.

– Уже было? Даже в августе?

– Я не хочу тебя обижать.

– Поздновато, Паш.

Он отпил воды. Сегодня утром я помогала ему застегнуть манжету и поцеловала в щеку перед уходом. Такие утра повторялись все эти семь месяцев.

– Ты мог хотя бы один раз сказать, что тебе чего-то не хватает, – произнесла я. – Мы могли поговорить.

– А что это изменило бы?

– Откуда мне знать? Мы не пробовали!

– Я долго думал об этом. И понял, что не хочу больше продолжать брак. Не вижу смысла теперь выяснять, кто чего недодал. Я не собираюсь обвинять тебя в своих поступках.

Я едва не поблагодарила его. Удержалась в последний момент.

– Ты решил, а я, значит, должна просто узнать.

– Пока ты ничего не должна. Возьми время. По квартире спокойно договоримся, она общая. На улице тебя никто не оставит.

– Я не спрашивала, оставишь ли ты меня на улице.

– Знаю. Хочу, чтобы ты не переживала по поводу денег.

Он потянулся к моей руке, и я убрала ее со стола. Павел сразу отступил. А мне вдруг захотелось, чтобы он настоял хоть на чем-нибудь. Чтобы испугался, что больше никогда не сможет до меня дотронуться.

– Самое сложное теперь – дети.

– Дети? Ты серьезно только теперь о них подумал?

– Не только теперь. Я именно поэтому и хочу все сделать аккуратно. Мише девятнадцать, взрослый парень. Ему можно объяснить, что наши отношения его не касаются, хотя, конечно, это неприятно. С Варей сложнее.

– Почему с Варей сложнее?

– Потому что ты для нее очень близкий человек. Она переживет это тяжело. Ей и так хватило одного развода.

Я вспомнила Варю лет пятнадцати, когда она принесла к нам две большие сумки. Среди вещей обнаружились три пары обуви, старенький плюшевый медведь и десятки листов с рисунками. Мы до позднего вечера раскладывали одежду, а Павел в конце концов принес всем троим бутерброды. О переезде уже договорились оба ее родителя, но Варя все еще боялась, что ей придется вернуться к матери.

Теперь ей было двадцать девять. Она жила отдельно, работала архитектором, приезжала к нам на ужины и помогала отцу выбирать подарки для меня. Ей действительно будет больно.

– Я сама с ней поговорю, – сказала я. – Только не сегодня.

– Вот и хорошо. Скажешь, что давно думала о раздельной жизни. Мы оба к этому шли, просто сейчас окончательно приняли решение.

– Что я давно думала?

– О расставании. Варя знает, что у тебя своя работа, свои интересы. Она вполне может понять, почему ты захотела перемен.

– Паша, я не хотела перемен.

– Марин, ну мы же с тобой взрослые люди. Зачем сейчас устраивать разбирательство, кто первым заговорил о разводе? У детей от этого ничего хорошего не появится.

– От того, что я скажу, будто решила уйти, твоя любовница никуда не денется.

– Я не прошу тебя скрывать Алину. О ней поговорим позже, когда они привыкнут к мысли, что мы расстаемся.

– А сейчас ты просишь меня соврать.

– Ты лучше меня знаешь, как Варя воспринимает такие вещи. Ей необязательно считать, что отец снова бросил семью. Тем более что я никого не бросаю.

Я открыла рот и не смогла произнести ни слова. Он, видимо, даже не заметил этого «снова». А я вдруг вспомнила небольшое кафе, в которое мы с ним однажды зашли после работы, двадцать один год назад.

Тогда Павлу было тридцать четыре, он был майором, а я в свои двадцать четыре еще собиралась замуж за другого человека. Это было не первое наше свидание, но именно в тот день я потребовала, чтобы он рассказал, что происходит у него дома. Мне было неприятно, когда в конце вечера он смотрел на часы и говорил, что пора ехать.

– Ты вообще собираешься разводиться? – спросила я.

Павел взял мою руку и ответил, что с Еленой у него все давным-давно закончено. Они оба это понимали, просто существовала дочь, ради которой пока сохранялись некоторые формальности. Елена тоже устала от брака. Им требовалось договориться о том, как будут общаться с Варей.

Я знала, что он женат. Видела кольцо, слышала о дочери, однажды даже ждала, пока он закончит телефонный разговор с женой. Но в тот вечер получила именно то объяснение, которого добивалась. Спросила, когда он сможет уйти, и позволила ему поцеловать себя.

«Мы взрослые люди. Не нужно искать виноватых там, где уже ничего нет», – сказал он тогда.

Мне очень понравились эти слова. Выяснять, согласна ли с ним Елена, я не собиралась.

Теперь Павел сидел напротив меня, и я узнавала интонацию, с которой двадцать один год назад он объяснял, почему никому не причиняет боль.

– Ты Алине тоже сказал, что у нас давно все закончилось? Она знает, что я сегодня впервые слышу о твоем желании уйти?

– Я не собираюсь пересказывать наши с ней разговоры. Мне сейчас и без того непросто.

Я посмотрела на мужа. Он, кажется, действительно считал, что поступил настолько порядочно, насколько мог.

– Дай мне сегодня побыть одной, – попросила я.

– Хорошо. Я в кабинете буду. Можем завтра продолжить.

Он убрал стакан в раковину и вышел. На кухне зазвонил телефон. На экране высветилось Варино имя.

Первым порывом было не отвечать. Я боялась услышать ее голос и расплакаться. Но Варя обычно звонила по дороге с работы, а если я не брала трубку, могла тут же набрать отца.

– Да, Варюш.

– Марин, я не вовремя?

– Нет. Что у тебя?

– Слушай, у тебя машинка швейная где стоит? Я в выходные собиралась занавески укоротить, а та женщина, которая мне обычно шьет, куда-то уехала. Только не смейся заранее.

– В шкафу, в коридоре. Заберешь, конечно. Только иглу проверь, там тоненькая стоит. Какие у тебя занавески?

– Лен. По крайней мере, продавщица так сказала. По ощущениям там половина неизвестной науке ткани. Я тебе фотографию пришлю.

– Пришли.

– А ты что делаешь? Ужинаете?

– Да нет, работаю еще. Заказчица мне восемь лип навязывает.

Варя рассмеялась.

– Она же на прошлом эскизе семь хотела! Напиши ей, что липы размножаются, и пусть не удивляется, когда на участке окажется лес.

Я засмеялась слишком громко и прижала ладонь ко рту.

– Ты как-то странно говоришь. Устала?

– Да, немного. День длинный получился.

– Тогда бросай работу. Папа дома?

– Дома.

– Вот и прекрасно. Пусть тебе чай сделает, а ты ляг. Я в воскресенье могу к вам заехать. Машинку тоже тогда заберу.

В обычный вечер я бы спросила, приедет ли она к обеду или ближе к вечеру. Теперь воскресенье казалось мне таким далеким, что обещать что-нибудь было почти невозможно.

– Давай завтра созвонимся, ладно?

– Давай. Ты только точно отдохни, хорошо? Я тебя люблю.

– И я тебя, родная.

Варя отключилась. От ее привычного «я тебя люблю» стало страшно. Что будет с нами после развода? У нее останутся отец, родная мать, собственный дом. Мне хотелось верить, что останусь и я. Я вытерла слезы, убрала ужин в холодильник, хлеб положила в шкафчик. Из кабинета вышел Павел.

– Варя звонила? Ты ей сказала?

– Нет, – ответила я.

– И правильно. Не по телефону же. Завтра поговоришь с ней, когда немного успокоишься.

– Ты ей ничего сейчас не рассказывай. Я сама хочу с ней поговорить.

– Хорошо. Договорились. Главное, чтобы мы придерживались одного объяснения.

Он говорил так, словно мы действительно успели о чем-то договориться.

– Нет, Паша.

– Что нет?

– Я не стану говорить Варе, что давно хотела от тебя уйти. Я сегодня впервые услышала, что ты хочешь развода. Вот это и скажу.

– Хочешь, чтобы она на меня обиделась?

– А ты хочешь, чтобы она на меня обиделась вместо тебя?

Он сложил лежавшее возле раковины полотенце и повесил на ручку шкафа. В спокойном состоянии Павел никогда не замечал, как висит кухонное полотенце.

– У Вари с Леной и так непростые отношения, – продолжил он. – Я не хочу, чтобы теперь она опять почувствовала необходимость кого-то защищать.

– Тогда пусть узнает правду без лишних подробностей. Я не собираюсь делать вид, что это было мое решение.

Павел больше не спорил. Попросил только не забыть, что утром ему нужно забрать несколько рубашек из спальни.

– Забирай сейчас, – предложила я. – Я не буду мешать.

Павел достал дорожную сумку и положил на кровать. Я машинально принялась сдвигать его рубашки к краю шкафа, потом вспомнила о той, которую недавно отдала в химчистку.

– Серую тоже возьми. Она в чехле за костюмом.

Он нашел рубашку и положил поверх остальных.

– Спасибо.

Еще немного, и я начала бы советовать, какие носки взять, напомнила бы о зарядном устройстве и сунула ему в сумку лекарства от головной боли.

– Ты сегодня здесь ночуешь? – спросила я.

– Да. В кабинете. Утром уеду.

На комоде стояла наша свадебная фотография. Мы смотрели друг на друга, потому что фотограф как раз что-то сказал Павлу и тот засмеялся. Я повернула рамку к стене, сразу почувствовала себя глупо, взяла халат и ушла в ванную.

Под душем попыталась вспомнить, когда в последний раз мы были близки. В конце августа? Нет, позже. Мы тогда легли довольно рано, муж прижал меня к себе. Я спросила, не нужно ли ему утром вставать до шести. Он ответил, что время есть.

Я любила его прикосновения. Мне нравилось, что с годами у нас исчезло прежнее смущение: мы могли посмеяться посреди поцелуя и снова вернуться друг к другу. Неужели после свиданий с Алиной он приезжал домой и продолжал делать все, что делал раньше?

В зеркале над раковиной увидела покрасневшие глаза и мокрые волосы. Придвинулась ближе, осмотрела морщины возле рта, шею. В тридцать три я уже растила Мишу, работала урывками и спорила с Павлом о летнем отпуске. Мне казалось тогда, что сорок пять наступят еще очень нескоро.

Я завернулась в халат и вышла. Павел уже убрал сумку в прихожую. Из кабинета доносился его голос: он обсуждал какие-то рабочие вопросы.

На тумбочке лежали его очки и раскрытая книга. Я вставила закладку и отнесла все в прихожую, к дорожной сумке.

Даже когда Павел уезжал на несколько недель, существовал день, к которому я начинала покупать продукты, приводить дом в порядок и строить планы. Сейчас даты возвращения не было.

Я забралась под одеяло и закрыла глаза. Казалось, прошел целый час. Взглянула на часы: всего двенадцать минут. Павел закончил разговор; я слышала, как он раскладывает диван в кабинете.

Заснуть не получилось. Я достала телефон и остановилась на фотографии, сделанной в июне. Мы с Павлом сидели на открытой веранде ресторана. Варя тогда пошутила, что отец задумался о государственных делах, хотя мы просто обсуждали, не пора ли заказать десерт.

С Алиной он уже встречался.

Я открыла нашу переписку. В июле прислала ему фотографию новых занавесок, и он ответил, что они ему нравятся. Чуть ниже мы договаривались, когда поедем покупать Мише обувь, потом Павел сообщал, что задержится на работе, и прислал смешную фотографию собаки возле дома. Теперь любое сообщение выглядело подозрительно. Но он мог действительно задерживаться на работе, встретить собаку и вспомнить обо мне. Все это могло происходить одновременно с его отношениями с Алиной.

Ближе к полуночи я поднялась, вернулась к компьютеру и увидела напоминание о завтрашней встрече.

«11:00. Культурный центр. Татьяна Валерьевна. Н. А. Горин».

Никита Горин.

Когда месяц назад Татьяна Валерьевна прислала состав проектной команды, я решила, что это совпадение. Потом открыла сайт бюро и увидела фотографию руководителя. Никита поседел на висках, носил короткую стрижку и смотрел на фотографа с легкой улыбкой, которую я помнила еще с тех пор, когда мы собирались пожениться. Мы не виделись двадцать один год.

В день нашей последней встречи шел дождь. Я приехала вернуть ключи от его квартиры и сказать, что свадьбы не будет. Никита спросил, как давно я знакома с другим мужчиной. Я ответила, что недавно. На самом деле мы с Павлом встречались уже достаточно долго.

Никита не стал меня удерживать. Забрал ключи, положил на тумбочку и предложил вызвать такси. Я отказалась и почти до остановки шла под дождем. Тогда считала, что поступила честно, поскольку все-таки не вышла замуж за человека, которого больше не любила.

Отказаться от проекта месяц назад помешал подписанный договор. Работа была интересная, оплата достойная. Никита отвечал за инженерную часть, я – за озеленение. У каждого был отдельный договор с центром.

Никите было сорок семь, у него наверняка давным-давно своя жизнь. Я надеялась, что вспоминать нашу несостоявшуюся свадьбу ему так же мало хочется, как мне.

А завтра придется явиться туда после признания мужа. Смотреть в лицо бывшему жениху и помнить, что когда-то сама предпочла ему мужчину, который теперь уходит от меня к другой.

Я открыла почту и начала писать Татьяне Валерьевне.

«Добрый вечер. К сожалению, в связи с изменившимися семейными обстоятельствами...»

Остановилась. Заказчица несколько раз переносила встречу, договаривалась с другими специалистами. Вряд ли через неделю я смогу встретиться с Никитой без волнения. К тому же этот проект был важен для меня еще до сегодняшнего разговора с Павлом.

Я удалила черновик, распечатала исправленную схему, собрала материалы в папку. Потом проверила будильник и выключила компьютер.

В гостиной села на диван. Перебрала в памяти несколько имен и поняла, что почти все знакомые, которым могла бы позвонить, знают Павла. Кто-то служил вместе с ним, кто-то много лет приезжал к нам в гости. Завтра они узнают, что мы разошлись. Возможно, Павел уже приготовил для них то же объяснение, какое предложил мне. Я отложила телефон и вернулась в спальню.

Часа в четыре я, должно быть, задремала, потому что проснулась от шума в прихожей и не сразу сообразила, где нахожусь. На часах было чуть больше шести. Павел собирался. Я накинула халат и вышла.

Он стоял возле двери с дорожной сумкой у ног и портфелем в руке.

– Разбудил?

– Нет. Почти не спала.

Павел умылся, побрился, надел ту самую серую рубашку. Никогда прежде, глядя на него с дорожной сумкой у двери, я не боялась спросить, когда он вернется.

– Ты ключи забираешь? – спросила я.

– Да. Мне еще за вещами приезжать. Предупрежу заранее.

Он взялся за ручку дорожной сумки, но тут же отпустил.

– Марин, давай не будем торопиться с документами. Когда все немного уляжется, договоримся.

На его пальце по-прежнему было кольцо. Заметив мой взгляд, Павел отвел руку и поправил ремень сумки.

– Позвони, если что-нибудь понадобится.

Я едва сдержалась, чтобы не попросить его остаться еще на день. Готова была предложить вместе позавтракать, напомнить о каком-нибудь важном деле, которое можно сделать только вдвоем.

– Ладно, Паш. Езжай.

Он открыл дверь и вышел. Услышав звук лифта, я поймала себя на мысли, что стою и жду, не вернется ли он за забытой вещью.

Я все-таки заперла дверь.

В кухне пахло кофе. Павел успел выпить чашку перед уходом, вымыл ее и поставил в сушилку. Я достала другую, налила себе кофе и села за стол.

На экране появилось сообщение от Вари: «Марин, ты как? Папа только что позвонил. Сказал, что вы разъехались. Я вообще ничего не понимаю. Ты правда давно хотела пожить одна? Почему мне не сказала?»

Я поставила чашку и перечитала сообщение.

Он не дождался нашего разговора. Успел объяснить дочери, чего я хотела.

Я набрала номер Павла. Он не ответил. Перезванивать не стала, открыла переписку с Варей.

«Нет, Варюш. Папа вчера сказал, что у него другая женщина. Я не хотела...»

Остановилась. Варя прочитает все это на работе или в машине, начнет звонить отцу. Мне хотелось поговорить с ней самой, увидеть ее лицо, ответить на вопросы. Я стерла набранное.

«Нет, родная. Все немного не так. Давай увидимся сегодня. Я сама тебе расскажу».

«Я утром могу заехать. Ты дома?» – ответила она почти сразу.

До встречи с Никитой оставалось достаточно времени.
«Дома. Приезжай».

Глава 2. Двадцать лет спустя

Варя приехала без четверти восемь. Услышав звонок, я с трудом удержалась от привычного окрика: «Открывай своим ключом!» Почему-то именно сегодня хотелось встретить ее у двери.

На пороге Варя сунула мне в руки пакет из пекарни и принялась расстегивать куртку.

– Ты ела?

– Еще нет.

– Тогда будем завтракать. Я тоже не успела. Марин, а папа где?

– Уехал.

Она посмотрела на пустую вешалку, где еще вчера висело его пальто. Потом заметила, что я убрала мужские ботинки с коврика и поставила на нижнюю полку.

– Куда?

– В квартиру, которую снял.

Варя перестала возиться с рукавом. Кажется, она ожидала найти нас обоих дома, выслушать два немного различающихся объяснения и помочь разобраться. Она и на работе усаживала за один стол людей, которые слишком долго спорили по электронной почте.

– Подожди, а он всерьез съехал? Я думала, вы поссорились.

– Всерьез. Пойдем на кухню, я тебе все расскажу.

Мы прошли на кухню. В пакете лежали две слойки с сыром, булочка с маком и стаканчик с джемом, видимо попавший туда по ошибке. Пока я доставала тарелки, Варя выложила на стол телефон, но, заметив новое сообщение, перевернула его экраном вниз.

– Так. Давай по порядку. Он сказал, что вы давно к этому шли. Я ему говорю: «Странно, Марина мне ничего не рассказывала». А он: «Ну, наверное, она не хотела тебя расстраивать раньше времени». Я с шести утра на ногах, уже голову себе сломала. Ты что, действительно собиралась уйти?

– Нет, Варюш. До вчерашнего вечера я считала, что мы с твоим отцом живем совершенно нормально. Вчера он пришел домой и сказал, что у него другая женщина. Сегодня утром переехал к ней.

Она смотрела на меня, чуть приоткрыв рот.

– Другая женщина? Какая?

– Зовут Алина. Больше я о ней почти ничего не знаю.

– А давно они?.. – Варя осеклась и нахмурилась. – Нет, погоди. Он же квартиру снял. Это сколько времени все продолжается?

– С февраля.

От слойки, которую она успела взять, на скатерть посыпались крошки. Варя положила ее на тарелку и набрала номер отца.

– Не надо, – попросила я.

– Да я ему просто вопрос задам!

– У него сейчас работа. И у тебя тоже. Посиди со мной немного, пожалуйста.

Она все-таки отменила вызов. Схватила салфетку, смахнула крошки и пробормотала что-то сердитое. Так Варя делала в школе, когда получала несправедливую, на ее взгляд, оценку и еще не придумала, к кому пойти разбираться.

– В феврале мы ему часы подарили, помнишь? Ты еще с выбором ремешка мучилась. Он, получается, уже тогда с ней встречался?

– Не знаю, когда именно они начали встречаться.

– Марин, да какая разница? Он у нас на кухне сидел! Мишка со мной спорил, какой торт заказать, ты ему стол накрыла... Господи, Марин, да как же он мог?

Я хотела ответить, что не стоит теперь портить себе воспоминания о том дне. Но самой еще ночью пришлось перебрать половину летних фотографий. Что бы я ни вспоминала о последних семи месяцах, всюду теперь присутствовала женщина, которой ни на одном снимке не было.

Варя поднялась, налила мне чай, придвинула чашку. Затем обошла стол и обняла меня. От нее пахло свежей выпечкой и кремом для рук с лимоном. Я прижалась лбом к ее плечу и расплакалась. Пришлось искать бумажные салфетки.

– Ну что ты, – бормотала она, гладя меня по волосам. – С ума он сошел. Честное слово, с ума сошел.

– Я тебе сейчас всю блузку испачкаю.

– Да плевать на блузку!

Она отодвинулась, внимательно меня осмотрела и вдруг села на соседний стул, не отпуская моей руки.

– А ты спала вообще?

– Немного.

– Марин, может, ко мне сегодня приедешь? У меня диван нормальный, я его в прошлом месяце поменяла. Или я у тебя останусь. Мне только ноутбук с работы забрать надо.

– Не надо менять свои планы. У меня в одиннадцать встреча, потом еще дела. Сегодня, наверное, одной будет лучше.

– Ты серьезно собираешься работать?

– А что делать? Заказчица не виновата.

Варя вздохнула, посмотрела на мой рабочий стол, видный из кухни, и неожиданно улыбнулась.

– Я в детстве думала, что ты умеешь вообще все. Особенно когда папа уезжал. У нас тогда и кран потек, и я форму для выступления забыла, и Мишку надо было из садика забрать. Ты вечером еще умудрилась пирожки сделать.

– Пирожки, скорее всего, купила. У меня тоже были пределы возможностей.

– Ну ладно, пирожки отнимем. Остальное точно помню. И вот ради чего он сейчас все это выбросил?

– И с папой у тебя всегда получалось договориться. Не то что у мамы, – продолжила она. – Мама ему после развода за каждую мелочь мозг выносила. А ты всегда старалась, чтобы мы нормально жили. Даже когда он из-за работы не мог со мной встретиться, объясняла, почему так получилось. Я благодаря тебе с ним нормально общалась.

Мне стало хорошо оттого, что она помнит нашу общую жизнь, что в эту минуту сидит здесь, на моей стороне.

– Твоя мама тоже очень многое для тебя делала, – сказала я наконец.

– Да знаю я. Просто она вечно выясняла, кто кому что должен. Даже когда мы уже взрослые стали. Я не об этом, Марин. Я о том, что ты для папы была прекрасной женой. Чего ему еще надо было?

– Не знаю.

Мне следовало вернуться к ее словам об отце. Спросить, какие именно объяснения она помнит. Но вместо утешения пришлось бы говорить о том, что я годами замалчивала. Я разломила булочку. От маковой начинки на пальцах остались темные крупинки.

Варя принялась есть, но вскоре посмотрела на телефон и спохватилась: ей пора было в офис. Поднялась, собрала тарелки, зачем-то проверила содержимое холодильника.

– Папа, надеюсь, не собирается за половиной этого приезжать?

– Вряд ли ему понадобятся мои яйца.

– Мало ли! Он же квартиру снял, теперь там хозяйство наладить нужно.

Мы обе засмеялись. Я достала из шкафа швейную машинку, нашла педаль и коробку с запасными иглами. Варя хотела оставить машинку, сказала, что ей совсем не до занавесок, но я уговорила забрать. В конце концов, хоть у кого-нибудь сегодня должно было получиться задуманное.

В прихожей она поставила машинку на пол, чтобы обнять меня на прощание, и уже у двери спросила:

– А Миша знает?

– Пока нет. По крайней мере, от меня не слышал. Я хочу сначала договориться с Пашей, когда мы ему скажем. Не хотелось бы, чтобы он узнал между парами.

– Я молчу, поняла. Но папе сегодня все равно позвоню. У меня к нему много вопросов.

– Варюш, только не ругайся из-за меня. Вы с ним отец и дочь.

Она посмотрела на меня с такой нежностью, что я снова едва не расплакалась.

– Вот даже сейчас ты его защищаешь. А он, между прочим, с утра успел мне рассказать, какая ты у нас самостоятельная и как тебе захотелось свободы. Тьфу!

Варя подхватила машинку и ушла. Я дождалась, когда спустится лифт, вернулась на кухню и увидела на тарелке вторую слойку: она оставила ее мне. Убрала ее в холодильник и опять заплакала.

Потом пришлось умываться, искать капли для глаз и переодеваться. До встречи с Никитой оставалось немногим больше двух часов. Я не хотела являться на первое совещание с красными от слез глазами.

Вынув из шкафа светлый жакет, вспомнила, что Павлу он особенно нравился, и раздраженно повесила его обратно. Темный, который примерила взамен, прибавлял мне лет пять. В конце концов снова надела светлый. Хорошая вещь не перестала быть хорошей из-за того, что муж когда-то ее одобрил.

В сумку положила документы, футляр с очками и бутылку воды. На лестничной площадке вспомнила о чертежах. Пришлось возвращаться.

Никогда прежде путь до культурного центра не казался мне таким длинным.

Центр занимал два старых здания, соединенных застекленной галереей. Во дворе сохранились клены, несколько запущенных цветников и асфальт, который местами поднимался от разросшихся корней. Я оставила машину возле знакомого въезда и направилась к административному корпусу.

Татьяна Валерьевна встретила меня у лестницы. Пообещала на совещании не мучить вопросом о липах и повела в небольшую переговорную. Возле окна стоял мужчина и объяснял кому-то по телефону, что выезжать на участок без необходимых размеров бессмысленно. Услышав нас, повернулся, договорил фразу и убрал аппарат в карман.

Никиту я узнала сразу. Даже удивилась этому. Я думала, что после двадцати одного года придется долго искать в его лице знакомые черты. Но стоило ему взглянуть на меня, чуть прищурившись, и на мгновение я снова увидела человека, который когда-то провожал меня на занятия и вечно покупал не тот хлеб, потому что на витрине ему нравился другой.

Теперь он был в сером пиджаке, без галстука. Под глазами обозначились морщины, виски побелели. На сайте бюро я успела рассмотреть его лицо, но здесь вдруг узнала еще и особенную манеру стоять, переместив вес на одну ногу, словно он собирался куда-то идти и одновременно не хотел пропустить ничего важного.

– Здравствуй, Марина.

– Здравствуй.

Татьяна Валерьевна удивленно перевела взгляд с него на меня.

– Вы знакомы?

– Давно, – ответил Никита. – Еще со студенческих времен.

– Вот и прекрасно. А я собиралась всех представить друг другу. Тогда не буду тратить время.

Она указала на свободные стулья. Никита подвинул один из них для меня и устроился напротив. Вскоре пришел Антон Игоревич, представитель подрядчика, с которым заказчица собиралась согласовать предварительную стоимость работ.

Я разложила свои чертежи. Татьяна Валерьевна объяснила, какие мероприятия планирует проводить во дворе, где хотелось бы разместить летние столики, и пожаловалась на нынешний вход со стороны хозяйственного корпуса. Туда привозили аппаратуру и продукты, а посетители постоянно пытались пройти той же дорогой. Никита закрепил на столе инженерную схему и попросил Антона Игоревича уточнить ширину въезда. Я слушала, отмечала замечания на своем плане, стараясь не рассматривать бывшего жениха всякий раз, когда он склонялся над чертежом.

У него сохранилась привычка вращать карандаш между пальцами. Когда мы были вместе, он мог часами так делать, пока я читала ему вслух что-нибудь смешное из газеты. Однажды карандаш выскользнул и попал в чашку с чаем. Мы тогда едва не опрокинули стол от смеха.

– Марина Сергеевна?

Я подняла голову: Татьяна Валерьевна ждала ответа.

– Простите, отвлеклась. Повторите, пожалуйста.

– Я говорю, что желательно не увеличивать расходы на уход. Нам ведь нужен двор, который можно будет поддерживать в нормальном состоянии своими силами. Сотрудник у нас один на всю территорию, летом иногда берем еще человека.

– Да, я это учла. Поэтому пока предлагаю отказаться от большого количества однолетников. И еще важно, чтобы растения подбирались для конкретных условий. Иначе вам придется ежегодно что-нибудь заменять.

Она кивнула и придвинула к себе план. Мы рассмотрели расположение цветников. Никита дождался, когда закончим, затем развернул к себе мой лист.

– Здесь у вас два прохода к главному входу. Один вдоль здания, второй между посадками. Какой предполагается использовать зимой?

– Оба, в идеале. Основной, который идет вдоль фасада, должен оставаться доступным постоянно.

– Тогда вот что меня интересует. Сейчас снег от входа отбрасывают сюда, под клен. Если оставить существующий порядок уборки, часть окажется в новом цветнике. А если предусмотреть другое место, нужно понимать, сколько пространства можно отдать под него без ущерба для ваших посадок.

Я придвинула стул и внимательно посмотрела на схему. Вопрос был дельный, и я разозлилась на себя: собиралась обсуждать его гораздо позже. Возле хозяйственной дорожки оставалась свободная полоса, но она находилась в понижении и весной могла оказаться вся в воде.

– Сюда лучше не складывать, – сказала я, показывая предполагаемую границу цветника. – Если будут использовать противогололедные материалы, часть попадет в грунт. Можно предусмотреть отдельную площадку рядом с хозяйственным въездом. Только нужно проверить, куда пойдет талая вода, и определить, хватит ли места при сильных снегопадах.

Никита наклонился, провел карандашом вдоль линии.

– Вот это и хотелось бы понять до согласования покрытия. Вы сможете дать размеры посадочных зон с учетом такого варианта?

– Да. После выезда на место. Там еще клен: возле него лучше не трогать существующий грунт, пока не оценим состояние корней.

– Договорились. Тогда до выезда оставим здесь резерв.

Антон Игоревич уточнил, в каком виде ему потребуются материалы для расчета. Я записала его пожелания и предложила показать два варианта озеленения с разными затратами на

посадку и последующий уход. Постепенно втянулась. Даже сумела возразить заказчице, когда она предложила перенести лавочки ближе к входу, не заметив, что там будет мешать открывающаяся дверь. Никита поддержал замечание и начертил сбоку небольшой эскиз. Потом мы вернулись к липам, о которых Татьяна Валерьевна обещала не заговаривать.

– Вот здесь еще две можно разместить, – сказала она с таким выражением, словно только что обнаружила целый лишний гектар.

– В первый год можно, – ответила я. – А потом вы будете звонить мне и спрашивать, почему половина веток растет прямо в окна.

– Да мы их подстригать будем!

– Вот вам и дополнительные расходы на уход.

Никита рассмеялся. Я обернулась на звук и поймала его взгляд. Он уже собирался что-то сказать, но Татьяна Валерьевна первой предложила оставить вопрос открытым до осмотра участка.

К концу совещания я составила список задач. Нужно было уточнить состав посадок, проверить несколько размеров, подготовить предварительный перечень растений и согласовать с Никитой дату общего выезда. Татьяна Валерьевна забрала один экземпляр схемы, поблагодарила нас и ушла вместе с Антоном Игоревичем: им предстояло еще посмотреть какое-то помещение в соседнем здании.

Я собрала карандаши, сложила листы и обнаружила, что не могу найти очки. Уже успела заглянуть в сумку, когда Никита протянул мне футляр.

– На подоконник положила, когда план смотрела.

– Спасибо.

Он не уходил. Убрал свой чертеж, застегнул папку и немного помедлил.

– Сколько же лет мы не виделись, Марин?

– Двадцать один.

– Ты даже посчитала.

– Не специально. Просто легко получается.

Никита кивнул и улыбнулся. Казалось, мы оба перебирали в уме десятки вопросов, отбрасывая один за другим. «Как поживаешь?» прозвучало бы смешно после такого срока, а расспрашивать о самых важных вещах мы пока не решались.

– Мне сказали, что ты давно работаешь по специальности, – произнес он наконец. – Рад, что у тебя получилось. Ты ведь тогда хотела именно этим заниматься.

– Хотела. Только поначалу не очень складывалось. Потом стало проще. Последние восемь лет уже постоянно беру заказы.

– А в Твери давно?

– Три года.

– Понятно. Я сюда перебрался раньше. По работе.

За стеной кто-то громко передвинул стул. Никита предложил выйти во двор, чтобы освободить переговорную. Снаружи солнце успело прогреть асфальт. Рабочие складывали возле хозяйственного корпуса пустые поддоны. Никита остановился у ступенек и достал телефон.

– Старого твоего номера у меня уже нет, – заметил он.

– У меня твоего тоже. Записывай.

Он набрал цифры. Мой телефон зазвонил, и я сохранила новый контакт.

– Ну вот, теперь не потеряемся, – сказал он.

– Да, надеюсь.

Я услышала собственный ответ и смутилась. Никита, к счастью, не придал ему особого значения.

– У тебя после нас еще встречи?

– Нет. Домой поеду.

– Ясно. А Павел здесь служит?

Вот и вопрос, которого я боялась с той минуты, когда получила список проектной команды. Месяц назад я даже придумала ответ: да, живем здесь, сын уже поступил учиться, дочь у нас взрослая. Потом собиралась спросить о его семье. Никаких причин волноваться не было бы, если бы встретились неделю назад.

– Да, здесь, – ответила я. – Только мы с ним теперь разъезжаемся. Он сегодня утром ушел.

Никита чуть нахмурился.

– Сегодня?

– Да.

Теперь он знал главное, хотя о причине нашего расставания я не сказала. Мне вдруг стало нестерпимо стыдно, словно снова стояла в его прихожей с ключами в руке и объясняла, почему за другого мужчину стоит выйти замуж, а за него нет.

– Извини, – сказал Никита. – Не знал.

– Откуда тебе было знать?

– Все равно неприятно вышло.

Я ждала хотя бы косвенного вопроса о причине расставания. Никита мог бы спросить, что случилось, и я, наверное, даже рассказала бы. Тогда наш первый разговор за двадцать один год свелся бы к Павлу, как когда-то последний.

Но он просто произнес:

– Сочувствую тебе, Марин.

Поблагодарив его, я раскрыла папку и зачем-то проверила, на месте ли экземпляр чертежа. Мне хотелось, чтобы Никита перестал на меня смотреть.

– Ничего, – сказала я. – Как-нибудь разберусь.

– Не сомневаюсь. Только по рабочим срокам, если понадобится что-то перенести, скажи заранее. У нас есть небольшой запас.

– Спасибо. Пока все по плану.

– Хорошо. Я сегодня пришлю электронную схему, чтобы не пришлось с бумажной возиться.

Мы направились к парковке, договорились обменяться материалами к вечеру следующего дня. Возле моей машины Никита протянул руку, и я пожала ее, отчего мы оба почему-то улыбнулись.

– До связи, Марина.

– До связи.

Он ушел к своему автомобилю. Я села за руль, положила папку на соседнее сиденье и некоторое время не заводила двигатель. Никита не напомнил, как я с ним когда-то поступила. Я не спросила, женат ли он, есть ли дети, счастлив ли. Зато он успел узнать, что муж от меня ушел. Хотелось бы иметь для него другие новости о себе.

Выехав со стоянки, свернула к ближайшему кафе. Взяла суп, села возле стены и впервые за утро поела без спешки.

Павел позвонил, когда я уже подъезжала к дому. Припарковавшись, я спросила:

– Ты зачем сказал Варе, что я давно хотела уйти?

– Я не говорил, что ты хотела уйти. Мы разговаривали о том, что у тебя давно своя жизнь, работа.

– Она спросила, правда ли я хотела пожить одна. Откуда, по-твоему, ей пришло это в голову?

– Хорошо. Я неудачно выразился. Что ты ей сказала?

– Что ты с февраля встречаешься с другой женщиной и теперь с ней живешь.

– Ну что ж. Понятно. Она мне уже пыталась звонить, я позже наберу ее сам. Марин, давай закончим. У меня через пять минут совещание.

– Подожди. Еще Миша. Ему ты ничего не говорил?

– Нет. Думал, мы сначала определимся, как дальше будем жить. В выходные он вроде бы не собирается приезжать.

– Тогда скажем, когда увидимся с ним. Только не надо больше звонков с утра пораньше.

– Хорошо.

Я отключилась и убрала телефон. Сколько сил в последние сутки уходило на то, чтобы обсуждать с Павлом несколько простых фраз.

Дома я открыла почту. Никита уже прислал инженерную схему и перечень исходных данных, которые необходимо уточнить. В письме обращался ко мне «Марина Сергеевна», поставив в копию Татьяну Валерьевну. Я скачала документы, ответила всем и только потом занялась квартирой.

Мне никогда прежде не приходилось выбирать жилье исключительно для себя. Когда мы с Павлом переезжали, я проверяла, удобно ли ему добираться до службы, есть ли поблизости школа, сколько комнат и можно ли в одной из них разместить мой стол. Теперь из всех этих требований первым делом вспомнила последнее. На листе бумаги записала постоянные расходы и доходы за полгода, отдельно внесла платежи по договорам, которые еще не поступили. На моем счете лежали деньги, оставшиеся после двух довольно удачных лет работы, а часть общих накоплений мы держали на других счетах. Сначала требовалось понять, хватит ли мне на аренду и обычную жизнь.

Выяснилось, что жить отдельно вполне возможно, если на какое-то время отказаться от нескольких вещей, которые я собиралась приобрести. Новое рабочее кресло могло подождать. А вот стол, на котором помещались бы и компьютер, и большие листы бумаги, был необходим.

В одной квартире мне понравились окна, но не устроило расположение: дорога до заказчиков занимала бы слишком много времени. Другая была прекрасно отремонтирована, однако за половину указанной суммы можно было снять нормальное жилье без золотистых ручек на шкафах и огромного зеркала в спальне.

Среди объявлений обнаружилась небольшая двухкомнатная квартира на четвертом этаже. Старенькая мебель, чистая кухня, широкое окно в гостиной. По фотографии было трудно понять, в каком состоянии диван, зато хозяйка подробно описала условия и сразу указала размер залога. Я добавила объявление в избранное и написала ей.

После этого позвонила знакомой, которая года два назад делила имущество с мужем. Мы не были особенно близки, но она несколько раз хвалила своего юриста. Объяснять, для чего именно понадобились контакты, я пока не стала. Получив номер, записалась на консультацию к Ларисе Андреевне на следующую свободную дату. Она попросила взять документы на квартиру и сведения об общих счетах, если смогу их подготовить.

Оставив телефон на столе, я пошла искать бумаги. Свидетельство о браке лежало вместе с документами о покупке квартиры, в большой синей папке. Квартиру мы приобрели три года назад, без ипотеки. Павел тогда очень хотел, чтобы после всех переездов у нас наконец появилось постоянное жилье. Я помнила, как мы вместе выбирали кухню, спорили о цвете дверей и радовались, что больше не придется согласовывать каждую мелочь с хозяевами съемных квартир.

Сделала копии нужных документов, убрала оригиналы на место. Павел мог приехать за своими вещами в любой день, и мне не хотелось, чтобы мы начали прятать друг от друга бумаги.

На ужин разогрела вчерашнюю еду и по привычке достала две тарелки. Одну пришлось убрать обратно.

Позже Павел прислал сообщение: «Завтра после работы заеду за вещами. Тебе что-нибудь купить?»

Я ответила, что ничего не нужно. Он написал: «Хорошо».

Вечером хозяйка квартиры предложила приехать на просмотр послезавтра. Я согласилась. Было странно договариваться о чужой квартире, сидя на собственной кухне, где даже трещинку возле розетки знала лучше любого другого человека.

***

Когда я приехала на просмотр, хозяйка, Наталья, как раз поливала цветы. Попросила пройти в комнату, сама убрала с подоконника несколько горшков и объяснила, что вывезет их к сестре. Квартиру она собиралась сдавать надолго. Мне понравилось, что Наталья не пыталась скрыть недостатки: показала скол на кухонной плитке, тугой замок балконной двери и ящик, который иногда заедал.

Гостиная выходила окнами во двор. Возле стены стоял широкий диван, в углу – небольшая мебельная стенка. Я прикинула, куда можно будет поставить стол. Места должно было хватить, если немного передвинуть диван.

– Вы одна будете жить? – спросила Наталья.

– Да. Сын взрослый, учится. Иногда будет приезжать.

– Ну, у нас соседи спокойные. Только наверху маленький ребенок, вечером бывает слышно. Интернет проведен, стиральная машина работает, холодильник недавно поменяли. Если будете брать, можно вещи, которые вам не нужны, убрать.

– Например, этот стул?

– Да хоть оба. Я их к сестре отвезу.

Мы обсудили оплату, коммунальные расходы и срок аренды. Наталья обещала прислать проект договора. Я сказала, что дам окончательный ответ через пару дней, и вышла на улицу. Возле подъезда росла большая рябина, до ближайшего магазина пришлось идти всего несколько минут. Уже возле машины поймала себя на том, что мысленно составляю список необходимых покупок.

Вечером Варя позвонила первой. Она все-таки взялась за занавески и теперь жаловалась, что строчка получается неровной.

– Марин, я уже два раза распарывала. Такое чувство, что ткань сама куда-то уползает.

– Ты сколола края булавками?

– Сколола. А потом все равно пришлось переделывать.

– Попробуй наметать вручную. И сначала проверь строчку на обрезке, чтобы не мучить сами занавески.

Она поворчала, но согласилась. Затем сообщила, что поговорила с отцом.

– Он говорит, что не хотел тебя выставлять виноватой. Просто у вас отношения в последние годы сложные были. Я сказала, что это его с тобой дела и мне не нужно ничего объяснять таким образом. Пусть лучше скажет, зачем семь месяцев все скрывал.

– И что он ответил?

– Что не знал, какое решение принять. Я чуть телефон не уронила. Он, понимаешь, решение принимал!

Я сидела возле компьютера, держа в руках лист с расчетами расходов, и вдруг вспомнила другой звонок, давний, когда Варе было десять. Она с восторгом рассказывала мне про купальник, который купила вместе с мамой. Голубой, в полоску. Еще спрашивала, можно ли взять на море две книжки вместо одной, потому что в поезде ей наверняка станет скучно.

Тогда мы с Павлом собирались в отпуск. Я помнила, что ответила девочке, помнила даже, где стояла во время разговора: рядом с кухонным окном, с телефоном у уха. Из соседней комнаты муж позвал меня, и я поспешила закончить разговор, после которого Варя заплакала.

– Марин? Ты меня слышишь?

– Да. Прости, задумалась.

– Я просто всегда считала, что с тобой папа хотя бы разговаривает нормально. А мама вечно говорила, что он все решает сам. Может, она в чем-то была права, но ведь и сама с ним иногда совершенно невозможно общалась.

Мне следовало спросить Варю, что именно она помнит о том отпуске. Я сложила лист с расчетами пополам и убрала под ежедневник.

– Она его очень любила, Варюш. Им тяжело было разводиться.

– Ну, наверное. Ладно, не буду тебя грузить. Ты сама как?

– Квартиру сегодня посмотрела. Думаю, сниму, если договор устроит.

– О! Покажешь потом?

– Обязательно.

Варя пообещала помочь с переездом и наконец вернулась к занавескам. Я подождала, пока она еще раз попробует сделать строчку на обрезке ткани, выслушала радостное сообщение, что машинка вроде бы подчинилась, и попрощалась.

В квартире стало тихо. На этот раз я не стала включать телевизор, хотя обычно оставляла его работать фоном. Достала телефон и нашла контакт Елены Сухановой.

Мы изредка общались. Поздравляли друг друга с днем рождения Вари, списывались по семейным делам. В прошлом году Елена спросила, не осталось ли у меня нескольких детских фотографий дочери. Я их нашла, переслала, и на этом наш разговор закончился.

Теперь мне хотелось узнать, как все было у нее с Павлом двадцать лет назад. До того, как я стала считать себя человеком, который умеет гораздо лучше Елены ладить с ее мужем.

Я набрала: «Лена, здравствуй. Мы с Пашей расстаемся. Мне нужно с тобой поговорить».

Перечитала. Убрала последние слова. Елена совершенно не обязана была находить для меня время только потому, что у меня возникла такая необходимость.

«Лена, здравствуй. Мы с Павлом расстаемся. Я хотела бы поговорить с тобой о некоторых событиях прошлого, если ты не против. Может, найдем время встретиться?»

Отправив сообщение, я положила телефон экраном вниз и вернулась к рабочим чертежам. Снова взялась за шесть лип, которые предстояло защитить от настойчивого желания Татьяны Валерьевны добавить еще две.

Минут через десять я проверила переписку. Елена прочитала сообщение.

Ответа пока не было.

Глава 3. Третий билет

Елена ответила на следующее утро, когда я уже успела пожалеть, что написала ей.

«Здравствуй. Можем в четверг в обед. Я работаю до шести, раньше уйти не получится».

Я предложила кафе возле набережной, но Елена попросила выбрать другое, поближе к производству. Прислала адрес и предупредила, что в час ей надо вернуться. Никаких объяснений по поводу моей просьбы она не требовала. От этого я почему-то волновалась еще больше.

До встречи оставалось несколько дней. Наталья прислала договор аренды, я прочитала его и выписала два вопроса. Павел уже забрал зимние куртки, часть обуви и форму. В шкафу осталось столько свободных плечиков, что они звенели при каждом движении дверцы.

В четверг я достала синее платье, которое он особенно любил, и даже примерила. Зачем мне понадобилось наряжаться? Вряд ли женщина, у которой я двадцать лет назад увела мужа, пожелает сегодня оценить мое платье. В конце концов надела светлую рубашку, брюки и жакет.

***

В небольшом кафе возле производства в обеденный час люди приходили в основном поесть, а не просидеть полдня над чашкой кофе. Я заняла столик в углу и заказала чай.

Елена появилась без пяти двенадцать. Я узнала ее еще за стеклянной дверью, хотя за последние годы она заметно изменилась: подстригла волосы и стала носить очки в тонкой оправе. Из большой тканевой сумки выглядывала пластиковая папка.

– Здравствуй, Марина. Давно ждешь?

– Минут десять.

– А я боялась опоздать. Нам сегодня привезли ткань не той ширины, пришлось перестраивать работу.

Елена заказала суп, салат и компот, после чего, заметив передо мной один чайник, спросила, буду ли я обедать. Я выбрала первое попавшееся блюдо из меню.

– Ты давно там работаешь? – спросила я.

– Одиннадцатый год. Сейчас руковожу производством: распределяю заказы, слежу за сроками и работой швей. Вручную почти ничего не шью, разве что дома. А с декабря вообще придется устраиваться по-новому.

– Почему?

– Мы с Борисом в Ярославль переезжаем. Он там квартиру купил еще несколько лет назад. Мне нужно закончить несколько крупных заказов.

О Борисе я слышала от Вари, о предстоящем переезде узнала впервые.

– И давно вы это решили?

– Весной. Варя расстроилась. Говорит, что я буду далеко, хотя сама ко мне иногда по три недели не приезжает. Ну ничего. Есть поезда, машины.

Я так привыкла узнавать о Елене из разговоров, в которых она упоминалась как мать Вари или бывшая жена Павла, что почти ничего не знала о ее собственной жизни. А она в пятьдесят четыре года собиралась переезжать, менять работу, обустраивать дом с другим мужчиной. Встреча со мной едва ли была главным событием ее дня.

– Ты писала, что расходитесь, – сказала Елена, когда официантка принесла приборы. – Варя мне звонила. Сказала, у Паши другая женщина.

– Да. С февраля с ней встречается, а мне сказал несколько дней назад. Квартиру заранее снял. И еще попросил меня объяснить Варе, что я сама давно хотела уйти.

– Объяснила?

– Конечно, нет! Мы еще в августе отпуск обсуждали, Мишке помогали собираться в общежитие. Мне до сих пор кажется, что я какой-то важный разговор пропустила. Неужели можно так долго жить с человеком и ничего не замечать?

Елена сняла очки, положила их рядом с тарелкой и попробовала суп. Не сказала ни «сама виновата», ни «я же предупреждала». От ее молчания мне сделалось неловко.

– Извини. Я не затем приехала, чтобы жаловаться тебе на Павла.

– Да я понимаю. В свое время тоже не знала, за что браться. Правда, Варе тогда восемь было, порасстраиваться среди недели особо не удавалось. Ребенка из школы надо было забирать.

Я вспомнила восьмилетнюю Варю, которую впервые увидела уже после того, как мы с Павлом начали встречаться. Смешная девочка с двумя косичками, в куртке с карманами, набитыми фантиками. Она мне понравилась сразу. Неприятно было только думать, что после прогулки Павел отвезет ее к Елене и, возможно, останется у них ужинать.

– Лен, я хотела спросить. Когда вы разводились... У вас ведь до этого уже были серьезные проблемы?

– Были.

Ответ прозвучал настолько быстро, что я невольно обрадовалась.

– Он говорил, что вы давно живете каждый своей жизнью. Что оба понимаете: брак закончился, только еще не договорились, как быть с Варей. Это действительно так было?

Елена отломила кусочек хлеба, положила на край тарелки.

– Когда он тебе это говорил?

– Весной. Мы еще только начали встречаться. До его ухода оставалось довольно много времени.

– Весной, значит. Тогда мы как раз решали, надо ли Варьке менять школу. Паше предлагали перевод, мы считали расходы, выясняли, куда меня возьмут на работу. Он обещал, что сначала все узнает, потом решим вместе. Я ведь не собиралась опять с маленьким ребенком ездить за ним по стране, ничего не зная заранее. Из-за этого и ругались.

– А до этого?

– До этого тоже бывало. Я уставала, он поздно приходил, денег временами не хватало. Однажды зимой два дня с ним не разговаривала: обещал сходить к Варьке на школьный праздник и забыл. Потом сходил на следующий.

Я помедлила, и Елена, кажется, поняла, о чем я не решалась спросить.

– Марин, мы жили вместе. Спали в одной кровати, покупали мебель, решали, куда ехать летом. Если тебе он говорил что-то другое, значит, ему так было удобнее.

– Он уверял, что ты сама хотела развода.

– Нет. Пару раз я в сердцах говорила, что, если он еще раз уедет, не предупредив, я соберу вещи. Только вещи почему-то никто из нас тогда не собирал. О том, что он хочет развестись, я узнала значительно позже. Тогда и про тебя узнала.

– А ты вообще подозревала, что у него кто-то есть?

– Под конец – да. А до этого все думала, что на службе что-то не ладится. Помню, в магазине ему рубашку увидела хорошую. Купила, принесла домой. Он так странно на меня посмотрел, даже мерить не захотел. Потом все-таки примерил и ушел в ней на работу. Долго я вспоминала, куда он в той рубашке пошел.

Мне вдруг стало страшно, что я и сама вспомню ту рубашку. Увижу Павла молодым, красивым, стоящим возле моего дома, и пойму, откуда взялась на нем новая одежда.

– Я ему верила, – сказала я.

– Знаю.

– Мне тогда действительно казалось, что вы оба давно хотите разойтись. Я даже думала, что, если мы с тобой познакомимся нормально, ты не станешь меня ненавидеть.

– А я тебя и не ненавидела все двадцать лет подряд. Сначала, конечно, было тяжело. Особенно когда он начал говорить, что я его к ребенку не подпускаю. Потом мне надоело тратить на вас время. Работала, Варю растила. Своя жизнь была.

Официантка поставила передо мной тарелку с гречкой и котлетой. Я взяла вилку.

– Лена, а если бы меня тогда не было, ты думаешь, вы с ним остались бы вместе?

– Откуда мне знать? Может, развелись бы через год. Может, прожили бы до сегодняшнего дня и я сама от него ушла. Не могу я тебе сказать, что без тебя все равно ничего бы не вышло. Мы тогда ничего подобного не решали.

Я наконец поняла, зачем приехала. Хотела, чтобы Елена подтвердила слова Павла, хотя бы отчасти. Тогда нынешнее предательство осталось бы отдельной историей, а двадцать лет моей жизни не пришлось бы начинать с неудобного вопроса.

Елена обедала с аппетитом человека, которому вскоре предстояло вернуться на работу. Я же едва справилась с половиной порции.

– Варя вчера минут двадцать объясняла мне, какой хороший человек ее отец и как он мог с тобой так поступить, – продолжила Елена. – А потом опять принялась меня воспитывать.

– В каком смысле?

– Сказала, что ты с папой, в отличие от меня, никогда не выясняла отношения при детях. Что я в свое время могла бы вести себя поспокойнее и не мешать им общаться.

Я отодвинула тарелку.

– Она не со зла это сказала.

– Да я знаю, Марин. Мне другое интересно. Ты с ней когда-нибудь разговаривала о той поездке на море?

Я сразу поняла, о какой поездке речь.

– Тогда ведь Паша решил не брать ее с нами.

– Паша. А сказала ей ты, что это я не отпускаю. Разве не помнишь?

Помнила, конечно.

Мы с Павлом недавно поженились и впервые после свадьбы собирались в настоящий отпуск. Я уже ждала Мишу. Павел достал три билета на поезд, нижние места нам с ним и верхнюю полку для Вари, которая обязательно хотела спать наверху. Отпуск дали на две недели. Мы собирались снять комнату в небольшом пансионате, где до моря нужно было идти минут десять через парк.

Я сама предложила взять Варю, когда Павел только заговорил о поездке. Девочка очень обрадовалась. Потом он принес билеты, и я разложила их перед собой на кухонном столе. Три одинаковых прямоугольника. На одном стояло имя Варвары Павловны Ракитиной, и мне почему-то не понравилось, как хорошо оно смотрится рядом с именем Павла.

Уже несколько месяцев мы строили планы с оглядкой на его встречи с дочерью. В воскресенье я часто готовила обед на троих, хотя хотелось побыть с мужем вдвоем. Варя рассказывала, как провела с мамой неделю, приносила фотографии и даже в шутку могла сравнивать наши блюда. Ничего дурного она не делала. Просто у нее была мать, у Павла до меня существовала семья, а мне очень хотелось, чтобы наша с ним жизнь началась с чистого листа.

– Паш, может, все-таки одни поедем? – спросила я, когда он вернулся с работы.

– Мы же Варе обещали.

– А мы с тобой потом когда-нибудь сможем вдвоем отдохнуть? Ты представляешь, сколько времени у нас будет после рождения ребенка? Я не хочу каждый день думать, чем ее занять, куда сводить, когда уложить спать.

Павел пытался объяснить, что Варя уже ждет поездку, а ему давно хотелось побыть с ней дольше одного выходного. Я слушала и дулась.

– Ты все равно ее отец, никуда от тебя она не денется. А мы только поженились, и я беременная. Неужели у нас даже собственного отпуска не может быть?

Павел убрал билеты в карман рубашки. Через день сказал, что сдал третий. Я была так счастлива, что не спросила, успел ли он объяснить дочери, почему она не поедет.

Варя позвонила вечером. Рассказывала про голубой полосатый купальник, который ей купила мама, и спрашивала, можно ли взять две книжки. Павел был в соседней комнате. Я стояла возле кухонного окна и слышала, как он разговаривал по другому телефону.

Мне следовало позвать его. Или самой объяснить Варе, что мы с ее папой хотим поехать одни. Я представила, как девочка спросит, за что мы с ней так поступили. Мне нравилось, что она ждала наших встреч, без опаски брала меня за руку и с удовольствием оставалась ночевать. Терять это из-за одного отпуска я не хотела.

– Варюш, так ты еще не знаешь? – сказала я. – Мама твоя против. Не отпускает тебя с нами на море.

– Как против? Она же сама сказала, что можно!

– Значит, передумала, родная. Папа с ней разговаривал.

– А почему? Марин, спроси у папы! Пожалуйста, спроси!

Она плакала, сбивалась, пыталась объяснить, что будет очень хорошо себя вести. Из соседней комнаты меня позвал Павел, и я поспешила пообещать, что в другой раз мы непременно поедем все вместе. Потом положила трубку и пошла к нему.

– Варя звонила. Я ей объяснила, что Лена не разрешила ехать.

– Зачем ты Лену сюда приплела? Она не возражала.

– Ну что мне теперь делать? Перезвонить и сказать, что я ее с нами брать не хочу?

Павел сел на край дивана, потер глаза. Сказал, что поздно уже что-либо менять. С Еленой он сам разберется. Если Варя будет спрашивать, говорить ничего нового не нужно.

Через неделю мы уехали вдвоем и прекрасно отдохнули. Павел держал меня за руку на пляже, прикасался к животу, покупал всякие безделушки. Несколько раз звонил дочери. По возвращении Варя приняла привезенные подарки, показала купальник, в котором так и не успела поплавать, и рассказала, что мама все отрицает. Я посоветовала ей не ссориться с матерью и поинтересовалась, понравилась ли сумочка из ракушек.

– Марина?

Я вздрогнула. Елена смотрела на меня, чуть наклонив голову.

– Да. Помню.

– Я тогда две недели с ней воевала. Предложила взять ее в бассейн, так она ответила, что мне все равно, лишь бы к папе не пускать. Объясняла ей, что я ничего не запрещала. Потом Паше звонила. Он сказал, что не стоит втягивать ребенка во взрослые разногласия. Я еще долго думала, что ты просто не знала, как все было.

– Нет. Я знала.

Елена положила ложку на блюдце.

– Зачем?

– Я сама попросила, чтобы мы поехали вдвоем.

– Это я уже тогда поняла. Зачем ты Варе сказала, что я против?

– Не хотела, чтобы она на меня обиделась.

– Зато уж на меня она от души обиделась. Мне потом пришлось ей новый купальник покупать, потому что тот она ни в какую надевать не желала. Вот уж никогда не думала, что буду тебе про купальники рассказывать.

– Лен, прости. Я тогда действительно ужасно поступила.

Елена не ответила. Я попыталась объяснить, почему никогда больше не заговаривала с Варей о поездке.

– Только столько лет прошло. Мы потом с Варей очень сблизились, и мне казалось, что она давно забыла эту историю.

Елена придвинула чашку ближе к себе.

– Шесть лет назад она получала диплом. Помнишь?

– Конечно.

– Мы договорились, что я приеду после вручения, поздравлю ее. Вечером она мне говорит, что идет в ресторан с папой и тобой. Со мной, значит, отдельно встретится. Я спросила, что за срочность такая, нельзя ли было один стол на всех заказать. А она мне отвечает: «Мам, я знаю, как ты себя поведешь. Опять будешь выяснять, кто кому мешал со мной видеться». Я тогда разозлилась и наговорила ей гадостей. Это было зря. Только ведь я много лет до этого пыталась ей объяснить, что не запрещала видеться с отцом.

Я помнила тот выпускной вечер. Впрочем, все началось еще за несколько дней до него. Варя приехала ко мне, показала купленное платье и рассказала, что хочет отметить получение диплома в маленьком ресторане неподалеку от института.

– Только маму с папой вместе лучше не звать, – сказала она тогда, разглядывая себя в зеркале в моей спальне. – Мама в последнее время опять завелась. Будет говорить, что она никогда мне с папой общаться не мешала. Я уже слышать этого не могу. Если папа тоже начнет отвечать, весь вечер испортят. С ней отдельно посижу.

Я придерживала у нее на спине застежку платья и прекрасно понимала, о каких разговорах шла речь. Если бы тогда рассказала про билеты, Варя, возможно, все равно не захотела бы сажать родителей за один стол. Но у нее появилась бы причина хотя бы выслушать мать. Вместо этого я спросила:

– На семь часов столик забронировала?

– На половину восьмого.

Она покрутилась перед зеркалом, а я предложила ей свои серьги. В ресторане мы сидели втроем. Под конец ужина Варя призналась, что успела поругаться с матерью. Я обняла ее, посоветовала пока не звонить Елене и не портить себе праздник.

Шесть лет назад мне было тридцать девять.

– Она мне говорила тогда, почему не хочет тебя приглашать, – призналась я.

– До ужина? И что ты ей сказала?

– Ничего. Мы дальше ее платье обсуждали.

Елена взглянула на часы.

– Мне скоро идти, Марин.

– Подожди немного. Я правда не представляла, что это настолько долго будет продолжаться.

– Да я и сама не представляла. А что мне было делать? Каждый раз предъявлять дочери доказательства? В пятнадцать лет у нее появились свои причины со мной ругаться. Я тогда все время уставшая была. Иногда срывалась, про Пашу говорила такое, чего при ней лучше было не говорить. Она это запомнила. Переехала к вам, потому что так и учиться удобнее было, и дома у вас ей многое нравилось. Я согласилась, хотя мне очень тяжело далось это решение.

Елена убрала очки в футляр, достала кошелек.

– Я знаю, что ты с ней много занималась. Она сама рассказывала, как ты с поступлением помогала. И я за это благодарна. Только не надо считать, что теперь мне все равно, о чем она думает, когда вспоминает свое детство.

Я достала кошелек и предложила заплатить за обед, но Елена отказалась. Мы разделили счет. Пока она надевала куртку, я снова попыталась подобрать слова.

– Лен, ты хочешь, чтобы я сейчас с Варей поговорила?

Она удивленно посмотрела на меня.

– Я хочу, чтобы у меня дочь была. Чтобы мы с ней могли встретиться, пообедать, поболтать, а я при этом не оправдывалась за каждый год ее детства. Что ты ей будешь говорить, решай сама. Только, пожалуйста, не рассказывай ей, что я попросила тебя вмешаться.

На улице Елена показала в сторону соседнего перекрестка:

– Мне туда. Ты сама-то держишься? Есть куда переехать, если что?

– Есть. Квартиру уже посмотрела. Думаю, сниму.

– Ну, удачи тебе с этим. Не торопись ничего подписывать, если Паша предложит поделить имущество. Сначала с юристом посоветуйся.

Возле светофора Елена достала телефон и кому-то позвонила. Я услышала обрывок фразы про ткань: с утренней поставкой, похоже, еще не разобрались.

Я купила бутылку воды в ближайшем магазине, села на скамейку и открыла переписку с Варей. Последней она прислала фотографию занавески. Нижний край получился ровным, хотя стежки немного различались по длине. Под снимком написала: «Если кому-то понадобится ателье, смело отправляй ко мне врагов».

Я рассмеялась и только тогда заметила, что плачу. Пришлось достать из сумки салфетки и отвернуться от проходившей мимо женщины. Набрать Варин номер не решилась.

***

Павел приехал около семи, предупредив заранее, что ему нужны бумаги из кабинета. Услышав поворот ключа, я на несколько секунд обрадовалась. За все эти дни муж впервые возвращался в привычное время.

Он поставил портфель возле стола и занялся поисками. Вскоре появился в дверях с папкой в руке.

– Ты случайно копию страховки на машину не брала?

– В синей папке, в самом конце. Я перекладывала, когда документы на квартиру искала.

– Зачем они тебе?

– Записалась на консультацию к юристу.

– Я тебе еще ничего конкретного по квартире не предлагал. Может, сначала между собой договоримся, а потом пойдем оформлять?

– А что помешает договориться, если я заранее узнаю, какие у меня есть варианты?

Павел пожал плечами, нашел нужную бумагу. Потом заглянул на кухню и спросил, нет ли кипятка. Пока доставала чашки, я рассказала, что нашла себе квартиру.

– Какую еще квартиру?

– Съемную. Двухкомнатную, недалеко отсюда. Думаю, в начале следующей недели перееду.

– Марин, зачем тебе сейчас деньги на аренду тратить? Живи здесь. Я же не гоню тебя. Если решим продавать квартиру, заранее все обсудим.

– Мне здесь тяжело. Не хочу каждый раз думать, что ты наконец вернулся, а потом смотреть, как ты снова собираешь вещи.

Павел сел, спросил, сколько стоит аренда, и, услышав сумму, предложил поискать что-нибудь получше. Я ответила, что эта квартира меня устраивает.

– Я сегодня с Леной встречалась, – сказала я.

Павел поднял глаза.

– А вам-то о чем понадобилось разговаривать?

– Я спросила, правда ли, что вы с ней давно решили расстаться, когда мы с тобой познакомились.

– Господи, Марина, сколько лет прошло!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.